

УДК 316.75+303.442.43

Анти-Спарта, или Политкорректность как практическая идеология современного либерализма

В. Н. Кораблева, кандидат философских наук, доцент*

Политкорректность рассматривается как наиболее массовая и опасная форма современной идеологии, которая на уровне интерперсональной коммуникации выступает инверсной дискриминацией (реваншем реально или мнимо угнетаемых групп), а на макросоциальном уровне представляет угрозу современной западной цивилизации (понятой как цивилизация образованных белых людей). Доказывается, что идейными источниками политкорректности выступают идеи эмансипации, преломленные сквозь призму методологии марксизма и либерализма. При этом демонстрируется гомологичность идеологических практик в Советском Союзе и в современном евроатлантическом мире. Через языковые механизмы формируется альтернативная социальная реальность — задается новая картина мира, направленная на дискриминацию «Запада» и «нормы». Стратегии замалчивания и блокирования публичной дискуссии приводят к деструктивным действиям — вплоть до терактов в духе А. Брейвика.

Ключевые слова: политкорректность, латентная идеология, репрессивная практика, политическая цензура, либеральный консенсус, эмансипация, цивилизационное преимущество.

Anti-Sparta, or Political Correctness as a Practical Ideology of Modern Liberalism

V. M. Korabljova, PhD in Philosophy, Associate Professor*

Political correctness is considered as the most massive and also the most dangerous form of modern ideology, which at the level of interpersonal communication acts as an inverse discrimination (the revenge of really or supposedly oppressed groups), and at the macrosocial level stands as a threat against the modern western civilization (perceived as the civilization of educated white people). It is proved that the ideological sources of political correctness are the ideas of emancipation interpreted by the methodologies of Marxism and liberalism. Herewith the homology of ideological practices in the Soviet Union and in the modern Euro-Atlantic world is highlighted. By dint of the language mechanisms, an alternative social reality is being formed. It sets a new picture of the world aimed at discrimination against the “West” and the “norm”. The strategies of suppression and blocking public debate lead to destructive actions — up to the terrorist attacks like the A. Breivik’s one.

Keywords: political correctness, latent ideology, repressive practice, political censorship, liberal consensus, emancipation, civilizational advantage.

Современное общество декларирует себя как политкорректное. Новое веяние, пришедшее на постсоветское пространство с «Запада» (идеологический маркер Чужого, Иного, но в то же время Такого-каким-бы-хотелось-быть), постепенно проникает в отечественные реалии. Сначала искушенная публика иронизирует над практически всеми примерами реализации принципов политкорректности, когда женщину называют «вагинальным американцем», а некрасивого или толстого

человека — лицом «альтернативной внешности». Однако вскоре становится очевидным, что либеральная игра в толерантность является новой формой идеологии, внедрение которой имеет серьезные политические, экономические и социальные последствия. Вместе с тем практически отсутствуют серьезные теоретизации данного феномена, что, вероятно, обусловлено «презумпцией морали». С. С. Аверинцев замечает, что перmissive общество (общество вседозволенности) снимает запреты с обсуждения ранее запрещенных тем (особенно касающихся сексуальности) и «хвастается тем, что отменило все табу», но на самом деле заменяет старые табу

---

* Докторант кафедры философии гуманитарных наук Киевского национального университета им. Т. Шевченко, Украина.

новыми, налагая негласный запрет на артикуляцию идеалов «девственности, чистоты, аскезы», развертывая таким образом новый «моральный террор» [1, с. 317].

Подобным образом современное общество с его декларируемыми идеалами свободы слова использует политкорректность как разновидность цензуры, исключая из публичного пространства «ненужные» темы. Известный диссидент В. Буковский по этому поводу высказывается следующим образом: «Цензура, которую ввели защитники „политической корректности“, избавила их от диалога. Если бы я с ними спорил, я бы разобрался с ними за несколько минут. Но кто ж мне позволит? Я, полноправный гражданин Великобритании, не могу написать на эту тему статью, опубликовать книгу, принять участие в общественных дебатах на эту тему — потому что таких дебатов нет. Вы по телевизору никаких доводов „за“ или „против“ политкорректности не услышите» [2].

Как отмечает Л. Ионин, в идеологию политкорректности (как и в марксистскую идеологию в ее советском варианте) вмонтирован теоретический механизм отвержения любой критики. Человек, который пытается подвергнуть сомнению принципы политкорректности, сам обвиняется в идеологической ангажированности именно по причине самого факта критики [5, с. 34]. Примечательна в данной связи параллель между советским и современным западным обществом, которая в контексте политкорректности просматривается особенно четко: и эмансипация женщин, начавшаяся в СССР существенно раньше (показательна цитата из фильма «Собачье сердце» В. Бортко: «Я не женщина, я — товарищ»); и использование почти оруэлловского новояза («враг народа», «загнивающий Запад», «светлое будущее» и др.); и предоставление льгот представителям национальных меньшинств при поступлении в вузы и приеме на работу; и, наконец, занятия по «политической грамотности» и «идеологическая работа» в коллективах — все эти приемы кажутся заимствованными из советского прошлого современным «развитым» западным обществом. Складывается ощущение, что после падения «железного занавеса» обозначенные идеи и практики не только не дискредитировали себя, но напротив — диффундировали, распространившись по евроатлантическому миру.

Целью данного исследования является выявление идеологического характера политкорректности, ее источников и форм проявления. Аллюзия на программное произведение Ж. Делеза и Ф. Гваттари [3] позволила нам сформулировать

квинтэссенцию политкорректности: *Анти-Спарта как «вывернутый наизнанку» принцип естественного отбора — протекционистские действия (и риторика) относительно индивидов, демонстрирующих отсутствие или недостаточность признака, свойственного большей части окружения (так называемому большинству)*. Актуальность предложенной тематики обосновывается не только социально-политическим праксисом, но и современным теоретическим дискурсом идеологии. С середины прошлого века ведутся дискуссии относительно концепта идеологии, его эвристичности и актуальности в условиях панлиберального мира «после холодной войны». Выдвинутый Д. Беллом (и позже им самим же отвергнутый) тезис «конца идеологии», апеллирующий к исторической контекстуальности идеологии и, соответственно, ее деактуализации в современной ситуации, сменился новой волной интереса к идеологической проблематике (К. Гирц, Л. Губерский, С. Жижек, Э. Лакло, Дж. Ларрейн, Ш. Муфф, П. Рикер, А. Тузиков, С. Холл и др.). Вместе с тем философские исследования идеологии концентрируются не на политической идеологии в смысле общепризнанных маркеров политического спектра (социализм, либерализм, национализм и т. д.), а скорее на ее латентных формах, утверждая, что наиболее эффективная идеология — та, действия которой незаметны, и, соответственно, объектом анализа в исследованиях идеологии выступают язык, культура, социальные практики. Представляется, что политкорректность пронизывает все слои существования идеологии, будучи представленной и «на поверхности» (как агрессивная практика политической цензуры), и в языке (о политкорректности сложно писать исследовательски нейтрально), и на культурно-ментальном уровне (политкорректность задает индивидуальную и групповую «картины мира»).

Обратимся к историческим и идеологическим источникам политкорректности. Это явление, локально и ментально возникшее в США конца XX в., впоследствии транслировалось в контексте глобализации как «минимальное требование цивилизованности». Важно отметить, что сам термин переведен на русский язык неточно: в оригинале *political correctness* — скорее политическая грамотность, нежели толерантность. Соответственно, человек, нарушающий принципы политкорректности, воспринимается не как бунтарь, а как недосоциализированный неуч, не владеющий языком и культурой. Если сравнить словопотребление в русском и английском языках, то в первом случае «нарушитель» маркируется как подвергающийся сомнению общественные устои

и представляющий социальную опасность, а во втором — *дискредитируется* как полноправный участник общественной дискуссии. Бунтарь может привлечь сторонников, а умалишенный социально не опасен. Отсюда вытекает социальный механизм политкорректной цензуры: выполнение предписанных норм поддерживается не прямым насилием (политическими репрессиями), а страхом социальной изоляции.

Сторонники политкорректности определяют ее как «стиль общественной коммуникации и государственного устройства, при котором надлежащим образом обеспечиваются права меньшинств (любых — религиозных, культурных, сексуальных, расовых или этнических, и так далее) на равноправное развитие и равноправное участие в жизни общества» [8]. Противники — как «идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [5, с. 8]. На уровне повседневности политкорректность проявляется в запрете называть вещи своими именами, стремлении «присваивать реальному явлению фальшивый ярлык» [8]. С языковой точки зрения, политкорректность проявляется в *эвфемизации* — использовании при обозначении предметов и явлений метафор и эвфемизмов вместо прямых денотатов. Другими словами, политкорректность в узком смысле — это правила, предписывающие в официальной речи заменять слова, указывающие на социальные / физические особенности, на нейтральные [10]. Несоблюдение данных правил расценивается как дискриминация.

Существуют разнообразные признанные виды дискриминации с соответствующим обозначением: «эйджизм» (дискриминация по признаку возраста, как правило, относительно пожилых людей), «эйблизм» (дискриминация «лиц с ограниченными физическими возможностями», то есть инвалидов), уже «привычные» сексизм и расизм (по признаку пола и расы соответственно), а также еще достаточно диковинные, например, «вейтизм» или «феттизм» (неуважительное отношение к людям, страдающим избыточным весом) и т. д. На уровне анекдота в социальных сетях распространялись выдержки из «Современного словаря феминисток», где каждое лицо мужского пола маркировалось как «потенциальный насильник», женщина, позитивно высказывающаяся о мужчинах и сексе — как «коллорабационист», вводятся понятия «чрезмерного зрительного контакта» как разновидности сексуального

насилия и «недостаточного зрительного контакта» как акта дискриминации, заставляющего женщину усомниться в собственной полноценности [9]. Очевидно, как бы ни вел себя мужчина, он рискует быть назван — на что сетует упомянутый В. Буковский — «мужской шовинистической свиньей» [2].

Дальнейшие практики развертывания политкорректности далеки от анекдотичности. В уголовные кодексы вводятся соответствующие статьи с вполне конкретными санкциями, переписываются основополагающие культурные тексты. Известны попытки переписать Библию в женской версии, замены названий профессий на английском языке, включающих слово «-man» (мужчина), изменения в юридической терминологии (в частности, принятие Евросоюзом запрета на использование обращений, указывающих на пол или замужний статус, например, Ms. и Mrs., замена в официальном делопроизводстве США терминов «мать» и «отец» на «политкорректные» «родитель 1» и «родитель 2» и т. д.). Значительная часть творческого наследия В. Шекспира оказалась под запретом: «Венецианский купец» обвиняют в антисемитизме, «Отелло» — в расизме, «Укрощение строптивой» — в сексизме. Одна учительница в Лондоне отказалась вести свой класс на «Ромео и Джульетту», назвав спектакль «отвратительным гетеросексуальным зрелищем» [2].

Проникновение политкорректности в образование и науку приводят к катастрофическим последствиям. Как отмечает А. Колаковски, в Англии на уроках географии главными темами являются «Окружающая среда, устойчивое развитие и культурная терпимость»: дети получают много знаний о загрязнении окружающей среды и эксплуатации бедных стран большим бизнесом, но к концу средней школы не могут найти на глобусе Африку [6]. Согласно Фокснюс, по региональным нормативам обучения в средней школе США, главной целью обучения математике является «выработка в учениках „уважения человеческих различий“» [13]. Большой резонанс вызвало обращение студенток — выходцев из бывших французских колоний к руководству Сорбонны с требованием внести коррективы в учебные программы, где их учат «тому, что писали мертвые белые мужчины». Реформа образования в Великобритании ставит задачу введения антирасистской математики и этноматематики с целью достижения более высоких результатов представителями некоторых групп меньшинств [5, с. 38]. Как не вспомнить И. Канта, который наивно утверждал, что может существовать

«французская мода» или «японская кухня», но не может быть «китайской математики» или «итальянской физики».

Примечательны также попытки переименования географических объектов с «неполиткорректными» названиями, вызывающие параллели с советским (и постсоветским) прошлым. По сообщению агентства Reuters от 2 марта 2001 г., «согласно новому закону штата Южная Дакота, производится смена названий городов, не соответствующих нормам политкорректности. В частности, изменяются все названия, содержащие «оскорбительные для всех людей штата Южная Дакота, его истории и культурного наследия слова «скво» (Squaw – женщина, индианка) или «нигро» (Negro – негр)». Например, город Скво-Лэйк (Squaw Lake) превращается в Серенити-Лэйк (Serenity Lake), а город Нигро-Галч (Negro Gulch) станет называться Ласт-Чэнс-Галч (Last Chance Gulch). Всего подлежит переименованию 39 городов штата. Аналогичные шаги уже предприняты в штатах Мэн, Монтана, Миннесота» [8].

Можно констатировать, что политкорректность как социальная практика направлена не на решение проблем, а на их замалчивание – более того, на ликвидацию языковых средств, которые делают их обсуждение возможным. Л. Ионин справедливо замечает, что любая социальная структура строится на различиях, и значительная часть процесса социализации состоит в усвоении этих различий [5, с. 27]. Политкорректность же стремится эти различия нивелировать в воображении – вести себя так, как будто все равны, хотя на самом деле все не равны. При этом важно то, что политкорректность посредством языковых сдвигов меняет картину мира, задает новый образ реальности. Согласно теоретическим построениям современных социальных философов, социальная реальность – это интересубъективная реальность, (вос)производимая социальными действиями акторов. Ее стабильность и «объективность» относительно каждого отдельного индивида поддерживаются разделяемыми представлениями о ней [см.: 7]. А значит – существенные изменения в представлениях об обществе с необходимостью меняют само общество.

Существуют различные версии генеалогии политкорректности. Так, в духе экономического детерминизма утверждается [8], что в послевоенных США происходил интенсивный рост промышленного производства, который требовал значительно увеличения числа рабочих, в том числе квалифицированных. Для удержания эконо-

номико-политического преимущества страны после Второй мировой войны необходимо было рекрутировать дополнительную рабочую силу из среды «цветного населения» США, что должно было быть идейно подкреплено ее уравниванием в правах с белым населением. С точки зрения сторонников данной версии, именно эмансипация «не-белого» населения страны сделала возможным «американское чудо», выведшее страну на лидирующие позиции в геополитическом мировом «раскладе сил».

Немецкий философ Н. Больц рассматривает *марксизм* как идейный источник идеологии политкорректности, утверждая, что он провалился как программа социалистического преобразования мира, но победил именно как культурная революция, являясь ядром преобразований XX–XXI вв. [12, с. 29]. Российский социолог Л. Ионин настаивает, что *постмодернизм* – это интеллектуальная основа, теоретико-методологический фундамент политкорректности, связывая обе социальные практики через тенденцию релятивизации истины [5, с. 43, 106]. Польская исследовательница А. Колаковска настаивает на *либеральных* истоках политкорректности, апеллируя к «всеобщему либеральному согласию». По мысли А. Колаковски, политкорректность – это идеология, которая предписывает веру во всеобщее либеральное согласие со всеми вытекающими последствиями [6]. Неявно подразумевается, что современный человек, претендующий на определенный социальный статус, разделяет так называемые общечеловеческие ценности свободы, справедливости, равенства, проекции которых на практическую плоскость результируют в практику политкорректности.

Данная дискуссия представляется вторичной, ведь все обозначенные течения имеют общие социокультурные источники, среди которых ключевую роль играют идеи *эмансипации*, генеалогию которых можно вести от Реформации через европейские буржуазные революции к идеологиям XX в. В истории европейской культуры индивид последовательно эмансипировался, освобождался, стремясь ко все большей автономии – от церкви, монархической власти, диктата общества. Данные процессы совпали со становлением современного, капиталистического общества – наложение данных векторов привело к универсальной формуле «буржуа/капиталисты vs. X», где в качестве X фигурируют практически любые «обиженные и угнетенные».

Методологическая база была сформулирована К. Марксом, позже данная методология была заимствована *постколониальными* и *гендерными*

исследованиями, которые вместо рабочего класса рассматривали колониальные народы и женщин как угнетенные группы. Более поздние версии гендерных студий, дополнив марксистскую методологию фрейдистской (в частности, ее лакановской версией), стали исследовать так называемые *ЛГБТ-группы* (лесбиянок, геев, би и транссексуалов) в качестве «жертв» современного общества. Наиболее свежая версия данной формулы предложена современным экологизмом, который рассматривает природу в качестве жертвы капитализма, используя накопленный предшественниками методологический арсенал.

Как показывает история, выдвигаемые требования равенства есть неартикулированные стремления к привилегиям, поэтому уравнивание в правах и в именах оборачивается *инверсной дискриминацией*: в условиях политкорректной гегемонии наиболее уязвимой группой оказывается прежде «большинство» — культура «западного белого образованного человека». Историческая ирония состоит в том, что концептуальные основы идеологии политкорректности были сформулированы в недрах этой культуры и фактически предложены культурным оппонентам. Причем внутреннее сопротивление данным стратегиям со стороны американцев и европейцев блокировалось — в духе психоанализа — неким *комплексом вины* (за торговлю рабами, истребление индейцев, дискриминацию женщин и т. п.).

Еще в начале прошлого века О. Шпенглер предупреждал, что западная культура теряет свое цивилизационное преимущество, делаясь своими эксклюзивными наработками с представителями незападного мира, впуская их в свою систему науки и образования [11, с. 492]. Проявления инверсного шовинизма за пределами западного мира можно было усмотреть в прошлом столетии в идеологии негритюда как «черного расизма», предложенной Л. С. Сенгором. Сегодня же политкорректность как практически ориентированная идеология выступает стратегией уничтожения западной цивилизации и примкнувших к ней культур. Важно отметить, что политкорректность как стратегия замалчивания приводит к *накоплению критического потенциала* в обществе, ведь, табуируя публичные дискуссии, она блокирует социальные механизмы аутопоезиса. В результате — при прохождении критической точки недовольные статус-кво выплескивают свое недовольство в действиях — вплоть до терактов а la Брейвик.

Таким образом, политкорректность сегодня является наиболее массовой и наиболее опасной

формой идеологии, которая на уровне интерперсональной коммуникации выступает инверсной дискриминацией, реваншем обиженных и угнетенных. На макросоциальном уровне она представляет угрозу современной западной цивилизации (понимаемой как цивилизация образованных белых людей), причем ее теоретическое обоснование было выработано в недрах самой западной культуры теоретиками левого толка. Идеинные источники политкорректности коренятся в эмансипационных импульсах, имманентных западной культуре. Идеологическое обоснование ценности свободы в теории и практике западного либерализма стало питательной средой политкорректности, которая, будучи мультиплицирована на революционный потенциал неомарксистских построений и жажду реванша реально или мнимо угнетаемых групп, превратилась в *агрессивную социально-политическую практику репрессивного толка*.

Представляется необоснованным рассмотрение Л. Иониным постмодернизма как теоретико-методологического фундамента политкорректности, ведь, во-первых, философия в любой ее версии предстает критическим мышлением, губительным для подобных практик, а во-вторых, политкорректность (наравне с глобализацией) предстает одной из ключевых метанарраций современности, что является объектом критики представителей философского постмодернизма. Дальнейшее исследование проблематики политкорректности целесообразно проводить сквозь призму ее языковых и культурных практик — с привлечением концепта культурной гегемонии, методологии социолингвистики и дискурс-анализа.

Практика политкорректности напоминает детскую игру «да и нет не говорить, в черном-белом не ходить», но ее поверхностная безобидность — идеологический ход, маскирующий манипулятивный характер. Апеллируя к правам человека и общечеловеческим ценностям, составляющим основу современного либерального консенсуса, политкорректность по своей сути инструментальна. Наиболее медийный современный философ С. Жижек написал эссе «Против прав человека» [4], продолжение следовало бы озаглавить — «Против политкорректности».

Список использованных источников

1. *Аверинцев, С. С.* Софія-Логос: словник / С. С. Аверинцев. — К., 2004.
2. *Буковский, В.* Политкорректность хуже ленинизма / В. Буковский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regions.ru/news/2242306>. — Дата доступа: 05.10.2009.

3. Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург, 2007.
4. Жижек, С. Против прав человека / С. Жижек. — М., 2010.
5. Ионин, Л. Политкорректность: дивный новый мир / Л. Ионин. — М., 2012.
6. Колаковска, А. Imagine. Интеллектуальные истоки политкорректности / А. Колаковски // Новая Польша. — 2004. — № 3. — Режим доступа: <http://www.nowpol.ru/index?id=200>. — Дата доступа: 05.10.2009.
7. Корабльова, В. М. Людина як віртуальний конструктор / В. М. Корабльова // Філософська думка. — 2007. — № 6. — К., 2007. — С. 25—33.
8. Политкорректность: новая форма коллективного лицемерия / Гуманитарный форум «Идеология» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://prediger.ru/forum/index.php?showtopic=3068>. — Дата доступа: 05.10.2009.
9. Словарь феминисток : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.twirpx.com/topic/2803>. — Дата доступа: 05.10.2009.
10. Ушакова, Т. А. Политкорректность: игра во что и с кем? / Т. А. Ушакова : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.listos.biz/главная/библиотека/ушакова-т-а-политкорректность-игра-во-что-или-кем>. — Дата доступа: 05.10.2009.
11. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология XX век. — М., 1995. — С. 454—492.
12. Bolz, N. Diskurs über die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau / N. Bolz. — München, 2009.
13. Porteus, L. 'Anti-Racist' Message in Mass. Math Class / L. Porteus // Foxnews, Feb. 08, 2005 [Электронный ресурс]. — Mode of access: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,146684,00.html>. — Date of access: 05.10.2009.

Дата поступления в редакцию: 14.03.2013 г.